

Теперь я начал играть на пустыре с мальчишками. Игра шла на деньги. Я не позволял себе чересчур увлекаться игрой, мне нужен был только рубль. Получив его, я убегал, покупал на базаре баночку молока, обедал и садился за уроки. Досыта всё равно я не наедался, но уже одна мысль, что я пью молоко, прибавляла мне силы и смирляла голод.

Поначалу Вадик спокойно относился к моим выигрышам. Он и сам не оставался внакладе, а из его карманов вряд ли мне что-нибудь перепадало. Иногда он даже похваливал меня: вот, мол, как надо бросать, учитеь, мазилы.

Однако вскоре Вадик заметил, что я слишком быстро выхожу из игры, и однажды остановил меня:

Ты что это — загрёб кассу и удирать? Ишь, шустрый какой! Играй. Больше Вадик не давал мне шайбу раньше себя и подпускал к камню только последним. Он хорошо бросал, но я бросал лучше, и, если уж мне доставалась возможность бросать, шайба, как намагниченная, летела точно на деньги.

Я только что опять угодил в деньги и шёл собирать их, когда заметил, что Вадик наступил ногой на одну из рассыпавшихся по сторонам монет. Все остальные лежали вверх решками. В таких случаях при броске обычно кричат: «В склад!»

Не в склад! — объявил Вадик.

Я подошёл к нему и попытался сдвинуть его ногу с монеты, но он оттолкнул меня, быстро схватил её с земли и показал мне решку. Я успел заметить, что монета была на орле, — иначе он не стал бы её закрывать.

Ты перевернул её, — сказал я. — Она была на орле, я видел.

Он сунул мне под нос кулак.

Мне пришлось смириться. Настаивать на своём было бессмысленно; если начнётся драка, никто, ни одна душа за меня не заступится. Злые, прищуренные глаза Вадика смотрели на меня в упор. Я нагнулся, тихонько ударил по ближней монете, перевернул её и подвинул вторую. Снова наставил шайбу для удара, но опустить уже не успел: кто-то вдруг сильно поддал мне сзади коленом, и я неловко, склонённой вниз головой, ткнулся в землю.

Вокруг засмеялись.

За мной, ожидающе улыбаясь, стоял Птаха. Я опешил:

Чего-о ты?!

Давай сюда! — Вадик протянул руку за шайбой, но я не отдал её.

Обида перехлестнула во мне страх, ничего на свете я больше не боялся. За что они так со мной? Что я им сделал?

Ты перевернул ту монетку! — крикнул я ему. — Я видел, что перевернул. Видел.

Ну-ка, повтори, — надвигаясь на меня, попросил он.

Ты перевернул её, — уже тише сказал я, хорошо зная, что за этим последует.

Первым, опять сзади, меня ударил Птаха. Я полетел на Вадика, он быстро и ловко, не примериваясь, поддел меня головой в лицо, и я упал, из носу у меня брызнула кровь. Едва я вскочил, на меня снова набросился Птаха.

Можно было ещё вырваться и убежать, но я почему-то не подумал об этом.

Я вертелся меж Вадиком и Птахой, почти не защищаясь, зажимая ладонью нос, из которого хлестала кровь, и в отчаянии, добавляя им ярости, упрямо выкрикивая одно и то же:

Перевернул! Перевернул! Перевернул!

Иди отсюда! — скомандовал Вадик.

Я поднялся и, всхлипывая, поплёлся в гору.

Минут пять я стоял и, всхлипывая, смотрел на полянку, где снова началась игра, затем спустился по другой стороне холма к ложбинке, затянутой вокруг чёрной крапивой, упал на жёсткую сухую траву и, не сдерживаясь больше, горько, навзрыд заплакал.

Не было в тот день и не могло быть во всём белом свете человека несчастнее меня.

(По В. Г. Распутину*)

Распутин Валентин Григорьевич (1937—2015) — русский советский писатель и публицист, общественный деятель, лауреат литературных премий, яркий представитель «деревенской» прозы.